

ПУШКИН В ИССЛЕДОВАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СЛАВИСТОВ

Творчество А. С. Пушкина, привлекавшее эпизодическое внимание американских переводчиков и исследователей в 30-е годы нашего века, начинает вызывать живой интерес в 40—50-е годы и превращается в видный раздел американской славистики в 60-е годы.¹⁾ Это находит отражение в многочисленных переводах из Пушкина, которые становятся мерилом зрелости переводческого искусства страны; в появлении биографий русского поэта, свидетельствующих о внимании к личности Пушкина и желании разобраться в его сложной, полной трагических превратностей жизни; в создании целого ряда исследований о жизни и творчестве поэта, составляющих целую область американской русистики.

Материал, накопленный в процессе изучения Пушкина, дает возможность американским славистам в преддверии новых 70-х годов подвести определенные итоги, закрепить имеющиеся достижения, коснуться тех просчетов и недостатков, которые имеют место в американской пушкиниане, и наметить дальнейшие перспективы развития науки о Пушкине.

Интересна в этом плане статья видного пушкиноведа Кларенса Брауна, опубликованная в журнале «Атлантик»²⁾. Она дает хорошее представление о том, как «небольшая отрасль пушкиноведения стала привлекать внимание ученых» и как «Пушкин начал занимать свое место наряду с Гете и Данте» в американской науке.

Прослеживая становление интереса к Пушкину в Америке, К. Браун ведет его от статьи Э. Уилсона, опубликованной в журнале «Атлантик» в декабре 1943 года. В следующем году, отмечает автор, появилась маленькая книжка переводов В. Набокова «Три русских поэта». Однако в этих работах не было еще детального изучения творчества Пушкина.

---

¹⁾ Настоящая статья является продолжением тех моих библиографических заметок об американской пушкиниане, которые были опубликованы в сборнике «Пушкин и его современники», Псков, 1970.

²⁾ The Pushkin Boom by C. Brown. „The Atlantic January 1969, vol. 223, № 1.

Новым этапом в развитии американского пушкиноведения, указывает К. Браун, явилось монументальное издание В. Набоковым «Евгения Онегина» и, особенно, перевод писем Пушкина, сделанный Томасом Шоу.

Касаясь вопроса о том, что на английском языке до сих пор не создано полного описания жизни Пушкина, К. Браун объясняет это тем, что ученые обеспокоены запутанностью вопроса, связанного с отражением в литературе жизни поэта. Примером может служить биография Пушкина, созданная Давидом Магаршаком. Опубликованная в Англии и изданная в Америке, она не удовлетворяет Брауна тем, что рождает у многих ложные представления о русском писателе. Он рассматривает ее как компиляцию самых различных источников, механически соединенных в единое целое.

Касаясь книги Уолтера Вилкери о смерти поэта, К. Браун указывает, что факты, которые он в ней приводит, не являются новыми, но, поданные с умом, они приобретают определенную новизну, освещая доступными средствами драму поэта.

Вообще в своем обзоре К. Браун обращает особое внимание на биографические работы. Вызвано это тем, что на английском языке до сих пор не создано биографии Пушкина. Создание подлинно научной биографии Пушкина продолжает оставаться насущной проблемой американского пушкиноведения. Вот почему такую полемику вызвали появившиеся в конце 60-х годов на английском языке две вышеприведенные биографии русского поэта.

Большое количество рецензий вызвала в американской печати книга Д. Магаршака «Пушкин»³). Эта книга принадлежит перу человека, создавшего целый ряд биографий русских писателей и деятелей культуры. Понятен интерес американской общественности к созданному жизнеописанию Пушкина. Обстоятельную рецензию на эту книгу мы встречаем в «The Times Literary Supplement»⁴). В рецензии говорится, что для популярной биографии жизнь Пушкина содержит богатейший материал. И как бы ни обращаться с ним, жизнь Пушкина вряд ли покажется скучной. Однако рецензент считает, что книга Д. Магаршака не дает достаточного представления о Пушкине-поэте, драматурге и прозаике.

Знаменательна в этом плане рецензия Эрнеста Симмонса⁵). Откликаясь на книгу Д. Магаршака «Пушкин», рецензент отмечает: «Биография величайшего русского поэта должна созда-

3) Magarshac „Pushkin” N. Y. 1967.

4) Duels, „Dramas and Debauches. The Times Literary Supplement”. November 2, 1967, vol 66.

5) „Pushkin” A. Biography by D. Magarshack. L. 1967 by E. J. Simmons. „The New York Times Book Review”. February 16, 1969.

вать правдивый и живой портрет всего человека, его изменчивой, бурной, трагической жизни и должна освещать наше понимание его мыслей и замечательных произведений. В этом плане настоящая работа оставляет желать лучшего». Симмонс отмечает серьезные пробелы в изображении фона событий, в сложном отношении Пушкина к революционному движению, в освещении его очной ставки с Николаем I, его репутации у современников, его дружбы с Нащокиным и Соболевским, которая проливает свет на его характер и определенными, важными деталями связана с последней дуэлью Пушкина.

Заключая, Симмонс указывает, что, возможно, м-ру Магаршаку не следовало пенять за отсутствие того, чего он не хотел написать: «окончательной» биографии Пушкина. Подобно другим, написанным биографиям знаменитых русских писателей — Достоевского, Тургенева, Гоголя и Чехова — эта биография Пушкина, очевидно, должна была стать кратким, популярным изложением его жизни. Но она, несмотря на увлекательную манеру изложения, ничем не обогатила представление американского читателя о Пушкине.

Пространную рецензию на книгу Д. Магаршака помещает «Тайм»⁶. Обыгрывая известное утверждение Роберта Фроста о том, что «поэзия это то, что потеряно в переводе»⁷), автор статьи отмечает, что в случае с А. Пушкиным не только его поэзия, но вся его сущность кажется потерянной в переводе. Пространная рецензия на книгу Д. Магаршака по сути дела мало что говорит о самой книге: хороша она или плоха, в чем ее достоинства и в чем ее недостатки. Создается впечатление, что сама книга стала для рецензента (имя его опущено) всего лишь поводом для довольно поверхностных суждений о русском поэте.

Говоря о биографии Пушкина, написанной Д. Магаршаком, справедливости ради, нельзя не отметить, что при всей уязвимости его книги, это была первая попытка создания биографии Пушкина на английском языке. Не претендуя на научность, Магаршак создает в своей книге живой облик русского поэта. С увлечением и интересом рассказывает он о личной жизни Пушкина, его друзьях и недругах. Присчеты, допущенные автором, — живое свидетельство тех трудностей, которые возникают перед писателем, взявшимся за эту нелепкую задачу. Резкие же порой суждения рецензентов — показатель растущей требовательности американских ученых к исследованиям, связанным с жизнью и творчеством Пушкина.

Не меньшее внимание вызвала в американской прессе и упо-

⁶) The Cloak of Genius „Time” N. Y. 1969. February 21, vol. 93, N 8.

⁷) Poetry is what is lost in traslation — Robert Frost.

мянуая выше книги Уолтера Виккери «Пушкин. Смерть поэта»⁸⁾. Уроженец Лондона, Виккери получил образование в Оксфордском и Гарвардском университетах. Бывший член Русского и Восточно-европейского института при Индианском университете, он к моменту выхода книги возглавлял отдел славянских и восточных языков в Колорадском университете. Ведя дополнительные разыскания о Пушкине, Виккери провел несколько месяцев в Ленинграде в качестве гостя АН СССР.

Тема книги Виккери не могла не привлечь к себе внимания читателей. Трагическая судьба поэта, погибшего в расцвете сил, обстоятельства дуэли, сложные отношения поэта с царским двором не раз становились предметом исследования пушкиноведов, рождали самые различные предположения и домыслы, порой весьма далекие от истины. Тем знаменательнее задача, поставленная в книге Виккери: бережно оценить имеющиеся в его распоряжении факты, подвергнуть критическому осмыслению те или иные распространённые теории относительно смерти Пушкина и сделать соответствующие выводы.

Книге Виккери нельзя отказать в занимательности. Умело компануя известные факты, автор, привлекая многочисленные свидетельства, с большим искусством воссоздает драматическую атмосферу последних лет жизни поэта. Дуэль, оборвавшая жизнь Пушкина, становится кульминационным моментом в той паутине махинаций, которая медленно, но верно плелась вокруг поэта, толкая его к гибели.

Однако, наряду с правильными и интересными суждениями о Пушкине, в книге имеются и суждения явно спорные. Трудно согласиться с выводами, к которым пришел автор книги и которые вытекают из всей концепции ученого, положенной в основу создаваемой им биографии. Профессор Виккери пытается доказать, что Пушкин не был жертвой определенного придворного заговора, что задолго до дуэли он уже был конченным человеком и несостоятельным художником. Именно эти выводы автора книги и вызвали наиболее острый отклик в тех рецензиях, которые появились в американской печати.

Так, Сэм Драйвер, выступая в журнале «Slavic Review»⁹⁾, высоко оценил книгу Виккери. Он отметил, что она написана на сложную и часто обсуждаемую тему, которая вызовет эмоциональный отклик среди пушкинистов и всех тех, «кто дорос до любви к пушкинской поэзии». Наряду с этим, автор рецензии указывает, что хотя Виккери демонстрирует отсутствие реальных свидетельств существования сознательного и целенаправленного заговора против жизни поэта и, возможно, прав в этом, но все же двор

⁸⁾ W. N. Vickery «Pushkin. Death of a Poet». Indiana University Press. 1968.

⁹⁾ W. N. Vickery «Pushkin: Death of a Poet». Indiana University Press. 1968 by Sam Driver «Slavic Review» vol XXVIII, N 4, December 1968.

и общество должны быть в конце концов ответственны за цепь событий, которые привели к смерти Пушкина. «Не легко,—говорит Драйвер,—будет для многих читателей отказаться от образа Пушкина как невинной жертвы злобного заговора и еще более трудно будет увидеть его человеком со всеми человеческими индивидуальными слабостями, которые не в малой степени способствовали его собственной гибели».

Утверждение Виккери о том, что Пушкин стал не жертвой определенных интриг, а жертвой своих человеческих слабостей, заставило его дать в ином свете и главных «героев» разыгравшейся драмы: Дантеса и Геккерена. Касаясь этого момента в своей рецензии, Драйвер пишет: «Наиболее трудным из всего, возможно, будет принять Дантеса и Геккерена иными, а не только злыми чудовищами».

Эти же вопросы становятся в центре внимания и другого рецензента (книжки Виккери, Джона Мерсеро¹⁰). Положительно оценивая исследование Виккери, Мерсеро отметил, что оно имеет двойную цель: дискредитировать идею, что Пушкин был жертвой космополитической клики, группирующейся вокруг двора, и развенчать сентиментальную концепцию о том, что смерть поэта произошла в расцвете его творческих сил. «Исследование Виккери,— говорит рецензент,—разделять ли его суждения или нет,—является полезным и интересным. Оно дает на английском языке ясный отчет об обстоятельствах, связанных с дуэлью, захватывающе об этом рассказывая... Но вызывает удивление, что Виккери, в своем стремлении найти и представить объективные суждения, оправдывает Дантеса в большей мере, чем того заслуживают факты». Мерсеро отмечает провокационное поведение француза. Он говорит, «что хотя и нет, как указывает Виккери, свидетельства о том, что был организован заговор против поэта, тем не менее, Дантес поддерживался некоторыми членами светского общества в своих попытках соблазнить жену Пушкина».

Рецензент не согласен с утверждением Виккери о том, что уже до того, как Дантес совершил свой фатальный выстрел, «Пушкин был конченным человеком и несостоятельным художником», что его смерть началась значительно раньше—возможно, в 1831 году, в год его женитьбы, возможно в 1826, в год его возвращения из ссылки. Ссылаясь на изумительную продуктивность осени 1833 года в Болдине, на созданные Пушкиным произведения: «Пиковая дама», «Капитанская дочка», основание «Современника» в 1836 году и многое другое, Мерсеро восклицает: «Разве ко времени своей смерти «Пушкин не продолжал оставаться лучшим поэтом России, и, возможно, наиболее талантливым прозаиком?»

---

¹⁰ W. N. Vickery Pushkin: Death of a Poet. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1968 by D. Mersereau «The Slavic and East European journal Winter 1968, vol XII, N 4.

Свои изыскания о жизни и творчестве русского поэта Уолтер Виккери обобщил в книге «Александр Пушкин»¹¹⁾. В предисловии к книге он пишет: «Главным препятствием на пути к славе Пушкина за границей является языковой барьер». По словам Виккери, русский язык по сравнению с другими европейскими языками мало изучался за пределами России. И хотя языковой барьер не мешал расти славе Толстого, Достоевского, Тургенева или Гоголя, Пушкин-поэт оказался в менее благоприятном положении, потому что неизбежные потери при переводе русской прозы еще более усугублялись при переводе поэзии.

Касаясь замысла своей книги, Виккери указал, что целью ее является дать основные факты жизни поэта, раскрыть для нерусских читателей поэтический мир Пушкина, переоценить многое из того, что было написано о нем и считалось само собой разумеющимся. Автор отдает должное русским и советским ученым за их огромные достижения в собирании документальных материалов о жизни и творчестве Пушкина. При этом он не скрывает, что не всегда согласен с их точкой зрения.

Как и предшествующая книга Виккери, эта книга тоже привлекла к себе широкое внимание. Рецензию Ричарда Грегга на книгу У. Виккери печатает журнал «Slavic Review» за 1971 год¹²⁾. Отдав должное эрудиции У. Виккери, его знанию творчества А. Пушкина и критической литературы о нем, рецензент делает ряд критических замечаний в адрес автора, считая, что У. Виккери напрасно посвятил большую часть книги изложению сюжетов произведений Пушкина и переводу его стихов. Прозаически звучащая в переводах Виккери поэзия, замечает рецензент, не дает представления об оригинале и не становится стимулом для изучения русского языка. Грегг видит недостаток книги и в том, что всего семь страниц посвящено пушкинской прозе.

В 1970 году была издана книга Анри Труайя «Пушкин», сокращенное издание которой было напечатано в Америке в 1950 году. Рецензию С. К. Обербек на нее поместил журнал «Newsweek»¹³⁾. Автор статьи дает высокую оценку рецензируемой книге. Он указывает на ту огромную роль, которую Пушкин сыграл для становления русской литературы. Он говорит о сложном отношении Пушкина с царским двором и о последствиях для поэта, откуда вытекающих. Однако, создается впечатление, что рецензент использует разговор о книге А. Труайя как повод для необоснованных нападок на советскую действительность, что не делает чести автору.

Мы не случайно так пространно остановились на откликах,

11) «Alexander Pushkin» by W. N. Vickery. University of North Carolina. N. Y. 1970

12) Alexander Pushkin by W. N. Vickery N. Y. 1970 «Slavic Review», March 1971.

13) The First Russian by S. K. Oberbeck «Newsweek», November 23, 1970.

которые появились в американской печати на книги, знакомящие читателей США с жизнью Пушкина. Дело в том, что сама полемика, возникшая вокруг биографии русского поэта, является свидетельством не только живого интереса, который вызывает жизнь и творчество Пушкина у американской общественности, но и мерилom той степени зрелости, с которой пушкиноведы США пытаются осмыслить каждое новое исследование о Пушкине, появившееся на английском языке.

С этим связан и устойчивый интерес в американской пушкиниане к переводам русского поэта. Успехи, достигнутые переводческим искусством страны в 60-е годы, дают возможность исследователям Пушкина по-новому оценить и первые переводы его произведений на английский язык.

Показательна в этом плане статья А. Д. Кросса «Джордж Борроу и Россия»¹⁴⁾. Отметив, что Джордж Борроу (1803—1881) мало упоминается в русских биографических словарях и справочниках, Кросс указывает, что в советский период единственным, кто изучает связи Борроу с Россией, является академик М. П. Алексеев. В дальнейшем, говоря о переводах Борроу из Пушкина, автор ссылается на наблюдения и суждения советского ученого. Факты, приведенные в статье Кросса, не будучи новыми для нашего читателя, помогают американским любителям поэзии Пушкина познакомиться со своеобразным переложением на английский язык произведений русского поэта одним из первых его читателей.

В статье рассказывается о причинах, побудивших Борроу предпринять путешествие в Петербург, о том впечатлении, которое на него произвела духовная жизнь русской столицы, о стремлении Борроу овладеть русским языком. «Я могу теперь бегло говорить по-русски и писать довольно сносно, — писал он в одном из своих писем, — но это один из самых трудных языков, который я когда-либо изучал, а произношение почти невозможное для овладения иностранцем».

Приводя отчет Борроу, представленный библейскому обществу после его возвращения в Англию, Кросс указывает на стремление англичанина проникнуть в суть русского характера. Интересно в этом плане пророчество Борроу о том, что «России суждено осуществить революцию в политической жизни и, возможно, в литературе».

Говоря о переводах Борроу из Пушкина, автор указывает, что его прежде всего привлекали произведения русского поэта, отмеченные национальным колоритом. Кросс останавливается на таких переводах Борроу как «Талисман» и «Черная шаль», он указывает как на достоинства этих переводов, так и на их недо-

---

¹⁴⁾ D. Borrow and Russia by A. G. Cross «The Modern Language Review» vol. 64, N. 2, April 1969, Birmingham.

сталки. В статье дается сравнение различных вариантов перевода стихотворения Пушкина «Черная шаль».

Кросс отмечает, что хотя Борроу никогда не встречался с Пушкиным, уважение его к русскому поэту было искренним и постоянным. Узнав о смерти Пушкина, он писал в одном из своих писем, что это была потеря не только для России, но и для всего мира.

Особое внимание в американской пушкиниане уделяется современным переводам произведений русского поэта.

В 1966 году появился выполненный Гиллоном Эткиным сборник переводов повестей Пушкина. В нем представлены «Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «История села Горюхина», «Рославлев», «Дубровский», «Пиковая дама», «Кирджали», «Египетские ночи» и «Капитанская дочка». Сборнику предпослано краткое предисловие и довольно пространное примечание. С обстоятельной рецензией на это издание выступил Кларенс Браун¹⁵⁾.

Отметив высокий уровень сделанного Г. Эткиным перевода, К. Браун скрупулезно собрал все имеющиеся в нем неточности, он указал, что переводчик почти не пытается передать русское просторечие английским эквивалентом. Достаётся переводчику и за огрехи, допущенные в переводе русских имен.

В 1970 году журнал «Русское обозрение»¹⁶⁾ поместил перевод поэмы Пушкина «Домик в Коломне». Сделанный талантливым переводчиком Пушкина У. Арндтом, этот перевод ввел в обиход американского читателя еще одно произведение русского поэта. Перевод снабжен предисловием, в котором излагается история создания произведения, появления его в печати и оценки поэмы как современниками Пушкина, так и последующими критиками, представляющими различные школы и направления.

Перевод «Домика в Коломне» — свидетельство дальнейшего роста переводческого мастерства У. Арндта. Переводчик хорошо уловил специфичность сугубо русского сюжета. Он не только сумел донести до читателя особенности быта описываемой Пушкиным среды, но нашел выражения, наиболее точно передающие смысл пушкинских образов, сохранив не только содержание, но и своеобразие формы произведения, его метрику и мелодичное звучание стиха. Вот как передано У. Арндтом обращение Пушкина к музе — передано в полной бытовых деталей разговорной манере:

Sit down, my tomboy Muse, but quietly!
No fidgeting, hands folded, feet tucked under!

15) The Complete Prose Tales of A. S. Pushkin. Tr. by Gillon R. Aitken N. Y.: W. W. Norton (c. 1966) XIV. 495.

16) The Little House in Kolomna by Al. Pushkin. Tr. by W. Arndt „The Russian Review” July 1970.

There lived a poor old widow (as you see,
We're off), eight years ago, I shouldn't wonder
With just one girl. Her cottage used to be
By the Pokrov, a humble hut, down yonder
Just past the sentry box I see it still
The mansard, the three windows, porch and still.

Отступления переводчика от подлинника очень незначительны. Первая строчка Пушкина «Параша (так звалась красotka наша)» в переводе Арндта буквально читается так: «Наша маленькая красавица — звалась Параша». По смыслу это одно и то же.

Передавая строку Пушкина: «Всем домом правила одна Параша, поручено ей было счета вести», Арндт вводит новые слова, смысл которых можно передать так: «Всю работу она делала сама, была и писцом и швейцаром». Эти отступления от «буквы» пушкинского стиха отнюдь не нарушают духа пушкинской поэзии, делая произведение более близким американскому читателю. Стих у У. Арндта льется легко и непринужденно, а стремление переводчика сохранить в английской транскрипции русские слова «каша», «Фекла» помогают лучше почувствовать особенности уклада жизни «Домика в Коломне».

Покоряя своей эстетической достоверностью, перевод Арндта углубляет идейно-эмоциональное воздействие поэзии Пушкина на читателей стран английского языка, расширяет их представление о поэтических ценностях русской культуры.

Этому служит и книга избранных критических сочинений Пушкина, появившаяся в переводе Карла Р. Проффера¹⁷⁾. Профессор славянских языков и литературы Индианского университета, К. Проффер является переводчиком произведений русских писателей и автором многих работ о русской литературе. В предисловии, предпосланном книге, Проффер отмечает, что она предназначена в равной мере как для широкого читателя, так и для изучающих русскую литературу, чей русский язык не достиг еще такого совершенства, чтобы читать критические работы в оригинале.

Статьи и рецензии Пушкина, посвященные самым различным проблемам искусства и эстетики, познакомили американского читателя с мало известным ему аспектом творчества русского поэта: Пушкининым-журналистом. Вступительная статья К. Проффера обстоятельно знакомит читателя с эволюцией пушкинской мысли, тонкостью и взыскательностью его критических оценок. Пушкинин предстает полемистом и критиком, автором метких суж-

---

17) The Critical Prose of Al. Pushkin with critical Essays by four Russian Romantic Poets Ed. and trans. by Carl R. Proffer Bloomington 1969.

дений и острых выступлений по самым злободневным проблемам литературной жизни¹⁸⁾.

Рецензию Ричарда Грегга на эту книгу мы встречаем в журнале «Slavic Review»¹⁹⁾. Положительно оценивая книгу переводов критических статей К. Проффера, Грегг отмечает, что она дает представление о величайшем писателе своего времени, каким был Пушкин. Рецензент указывает, что ни один человек, серьезно интересующийся театром Пушкина, не сможет пройти, например, мимо его суждений о поэзии Шекспира, пьесах Мольера, так же как никто из изучающих его прозу не сможет пройти мимо его соображений на этот счет. Точно так же размышления Пушкина о Радищеве, Байроне и современной ему французской литературе проливают свет на его собственные отношения к этим писателям.

В журнале «The Colorado Quarterly» за 1971 год опубликована поэма А. Пушкина «Медный всадник» в переводе известного в США переводчика Юджина Кэйдена²⁰⁾. Бывший питомец Колорадского университета, Ю. Кэйден родился и учился в средних школах России. В 1903 году приехал в Соединенные Штаты, где получил образование в Колорадском университете. Продолжая образование в Гарвардском, Принстонском и Колумбийском университетах, он получил ученую степень в области сравнительного литературоведения и экономики. Отдавая много времени переводческому искусству, знакомя американского читателя с лучшими образцами русской и советской поэзии, Ю. Кэйден особенно интенсивно работает в этой области с 1955 года «с целью создания словесного моста понимания между двумя культурами»²¹⁾. Переводы стихотворений Пастернака, «Евгения Онегина» Пушкина и его «Маленьких трагедий», «Демона» Лермонтова и других произведений, сделанные Ю. Кэйденом, хорошо известны в Соединенных Штатах. Эрнест Симмонс, профессор русской литературы Колумбийского университета, писал о вышеприведенных переводах Кэйдена: «М-р Кэйден посвятил большую часть своей жизни переводам нескольких тысяч страниц лучших русских стихов. Как переводчик, он... может, я думаю, занять место среди самых лучших переводчиков русского стиха на английский язык. Он сочетает в себе два самых необходимых

---

18) См. рецензию Ал. Осповат. Издание Пушкина в США, «Вопросы литературы» 1971, № 7.

19) The Critical Prose of Al. Pushkin with Critical Essays by four Russian Romantic Poets. Ed. and Tr. by Carl R. Proffer 1970 „Slavic Review”. March 1971.

20) Alexander Pushkin „The Bronze Horseman” Tr. by E. M. Kayden” The Colorado Quarterly, v. XIX, N 3, Winter 1971.

21) Translations of the poetry of modern „The Colorado Quarterly”, v. XIX, N 3, Winter 1971, p. 305.

качества — безупречное владение обоими языками и собственный поэтический талант»²²⁾).

Перевод «Медного всадника» — удача Ю. Кэйдена. Об этом свидетельствует уже вступительная часть поэмы, в которой умело воспроизводится торжественное звучание пушкинского ямба:

A hundred years went by. Then forth
From marshy bogs and polar night
Arose in grandeur and in might
The fairest city of the North.

I love thee, Peter's bold creation!
I love the air austere, the lone
Great squares, and Neva's fascination
Between her banks of granite stone;
Thy lacel like iron gates; thy shining,
Yet, meditative evening gloom,
And thy traslucent night enshrining
Me when, lampless, in my quiet room
I read or write.

Кэйден не стремится следовать подлиннику во всех деталях. Творчески осмысляя пушкинский текст, он сохраняет размер оригинала, передает величественное звучание пушкинского слова.

O' er gloomy Petrograd there rolled
The drear November mists and cold,
Then loud against its granite wall
The Neva splashed disquieted
And tossed about at evenfall
Like a sick man restless in his bed.

Удачны в переводе Ю. Кэйдена части поэмы, знакомящие нас с Евгением. Размышления бедного чиновника, чувства внутреннего смятения и тревоги хорошо переданы разговорной манерой стиха, полной бытовых интонаций:

«Get married? I? Why not? I may
Do worse. Why make her wait so long?
The risk? But what of that? I'm strong
Enough to labor night and day.

Нельзя не согласиться с высокой оценкой, данной этому переводу ректором Уэдхемского колледжа Оксфордского университета М. Бауэра: «...перевод действительно уловил необычную силу оригинала и все же остался удивительно близким к тексту. Это

---

²²⁾ Там же.

изумительная поэма, в других вариантах (перевода А. Г.), мне всегда казалось, отсутствовала жизнь, чего нет в этом... настоящая и великолепная услуга потомству»²³).

Перу Ю. Кэйдена принадлежит и перевод девятнадцати стихотворений А. С. Пушкина («Свободы сеятель пустынный», «Ненастный день потух», «К А. П. Керн», «Вакхическая песня», «Зимний вечер», «Под небом голубым страны своей родной», «Арион», «Пророк», «Поэт», «Дар напрасный, дар случайный», «Зимнее утро», «Я вас любил», «Когда для смертного умолкнет шумный день», «Обвал», «Поэту», «Для берегов отчизны дальней», «Эхо», «Не дай мне бог сойти с ума», «Брожу ли я вдоль улиц шумных»), изданных колорадским журналом в 1971 году²⁴). Уже сам перечень названий свидетельствует о том, что Ю. Кэйден выбрал для перевода далеко не самые легкие стихи Пушкина. Все переводы характеризует высокая поэтическая культура, умение передать свое видение поэтического мира Пушкина.

Так, перевод стихотворения «Свободы сеятель пустынный», в своей первой части, точно следует оригиналу, сохраняя присущую ему мелодику стиха.

A lonely sower in freedom's name,
I walked before the morning star.
And pure of heart, with faithful hand
The living seed I scattered far...

Вторая часть переведена с некоторыми отступлениями. Ее первая строчка «Паситесь, мирные народы!» дана в переводе Ю. Кэйдена следующим образом: «Then graze in peace, complacent nations!» Добавив к слову «народы» прилагательное «самодовольные» (complacent), переводчик придал слову «народы» тот оттенок презрения и пренебрежения, который вобрал в себя чувства поэта, выраженные в следующей строке: «Вас не разбудит чести клич», что дало Ю. Кэйденоу возможность вообще опустить эту строчку в английском переводе. Это не нарушило общего смысла стихотворения, хотя вторая часть и стала на одну строчку короче оригинала:

Then graze in peace, complacent nations!
Your fate is to be shorn, or slain.
Not freedom, no! Your partnership,
From sire to sire, through generations,
The yoke, the goad, the driver's whip.

²³) Там же, p. 306.

²⁴) Nineteen Poems by Alexander Pushkin Tr. by E. M. Kayden «The Colorado Quarterly» v. XIX, N. 4, Spring, 1971.

С этим же стремлением переводчика схватить суть стихотворения, передать его настроение, не цепляясь за частности, встречаемся мы и в переведенном Ю. Кэйденем стихотворении «Ненастный день потух». Не греша буквализмом, Кэйден в то же время умеет сохранить высокую простоту подлинника. Не злоупотребляя эпитетами и метафорами, Кэйден умеет схватить «дух» оригинала, в чем и таится залог его успеха. В этом легко убедиться на примере первой строфы стихотворения:

The gloomy day is waning; mists of night
Enshroud the world in gloom. The wind is wailing
Among the firs; the phantom moon is sailing
Above the stormy clouds in flight

Мелодичностью и выразительностью стиха покоряет перевод пушкинского стихотворения «К А. П. Керн»:

Forlorn, in loneliness and sadness,
I walked in grief, with care apart;
I dreamed your tender voice of gladness;
I held your beauty in my heart.

Не останавливаясь на каждом отдельном из приведенных стихотворений, следует отметить, что новые переводы Ю. Кэйдена — наглядное свидетельство растущей зрелости переводческого искусства страны. Служа высоким целям сближения двух культур, оно способствует росту взаимопонимания и дружбы между народами.

Американская пушкиниана конца 60-х годов и начала 70-х пополняется рядом исследований о творчестве русского поэта. Интересной в этом плане является статья Поля Дебрекзени, посвященная ранним критикам Пушкина.²⁵⁾ Статья привлекает внимание широтой использованного автором материала. Отметив, что «отношения между Пушкиным и его критиками являются предметом особого интереса и дискуссии со времен жизни поэта» и что еще Белинский сделал это центральным моментом вступления к серии своих статей о Пушкине, автор указывает наиболее важные на его взгляд работы, посвященные этому вопросу. Дебрекзени отмечает, что «позднейшее исчерпывающее изучение предмета может быть найдено в книге Н. И. Мордовченко «Русская критика первой четверти XIX века».

Исследователь отмечает богатство фактической информации, содержащейся в опубликованных, посвященной этой теме ма-

---

²⁵⁾ The Reception of Rushkin's Poetic Works in the 1820 os: A study of the Critic's Role by Paul Debreczeny „Slavic Review”, September 1969.

териалах, но считает, что интерпретируется этот материал недостаточно. Интерпретация работ критиков 20-х годов XIX века и становится задачей автора статьи.

Указав, что «автор, критик и публика образуют нечто вроде треугольника и могут занимать различные позиции по отношению друг к другу», Дебрекзени пытается проследить взаимодействие этих трех факторов. Автор знакомит читателя с критическими взглядами Шишкова, Державина, Карамзина, говорит о борьбе литературных направлений, касается русскоязычной периодики, «Вестника Европы» и «Сына Отечества», и той роли, которую она играла в борьбе классицистов и сентименталистов. Далее дается изложение взглядов А. Глаголева, М. Дмитриева, Плетнева и Погодина на произведение Пушкина, с одной стороны, и П. Вяземского — с другой.

Остановившись на моментах, отличающих русскую литературу и, в частности, русскую критику от европейской, Дебрекзени касается роли «Московского вестника» в пропаганде немецкой идеалистической философии и отношений Пушкина с этим печатным органом. Говоря о статье Киреевского «О характере пушкинской поэзии», помещенной в «Московском вестнике», Дебрекзени указывает, что «социальный акцент статьи Киреевского безошибочно нацеливал на новую функцию литературной критики, которая дала о себе знать в последующие десятилетия. «В дальнейшем под влиянием цензуры, — пишет Дебрекзени, — которая сделала открытые социальные комментарии невозможными, литература была принуждена нести опромный груз социальной и политической мысли. При правлении царя, который готов был разразиться слезами благодарности над заранее подготовленной «победой» его войск в военных упражнениях, владение хорошим вкусом становится единственным актом политического протеста».

Работа Дебрекзени хотя и строится на фактах, известных советской науке, полезна тем, что расширяет представление американского читателя о литературной жизни России 20-х годов XIX века.

Частной проблеме, проблеме связи «Пиковой дамы» Пушкина с масонской легендой, посвящена статья Гарри Б. Вебера, опубликованная в «Славянском и Восточно-европейском журнале»²⁶). Автор считает, что «Пиковая дама» Пушкина интересна как пример нового подхода к масонской легенде об убийстве Хайрам-Абифа, главного архитектора храма Соломона. Вебер пытается доказать, что Пушкин использует эту масонскую легенду как основу замысла произведения и что вся сцена между

²⁶) Píkovaja dama: A Case for Freemasonry in Russian Literature by H. B. Weber, University of Iowa «The Slavonic and East European Journal». Winter 1968, v. XII, N 4.

Германом и старой графиней есть пародия на масонский ритуал вступления в ложу. «Подобно убийцам Хайрама, — пишет Вебер, — Герман, почувствовав приближение смерти графини, полон намерения обрести ее секрет. Его мотивировка, открывшаяся нам в его более или менее безумных размышлениях уехать за границу и использовать свои познания в парижских игорных домах, совпадает с желанием убийц Хайрама использовать секрет хозяина-масона в чужих странах».

Вебер подкрепляет это свое положение сопоставлением отдельных деталей интерьера спальни графини, ее позы, ее внешнего облика и жестов с аналогичными явлениями, имеющими место в масонской приемной. Клятвы Германа графине сопоставляются с клятвами кандидата в масоны перед Великим Магистром, а сама профессия Германа считается естественной с точки зрения масонского символа.

Наблюдения Вебера любопытны, хотя далеко не бесспорны. Следует к тому же отметить, что в своем стремлении восстановить масонские мотивы, якобы лежащие в основе «Пиковой дамы», автор статьи «потерял» основную, главную проблему, во имя которой было создано произведение Пушкина, превратившее ее в гениальное отражение темы «ужасного века» с его страшной властью денег, уродующей человеческую личность.

Стилевому анализу пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье» посвящена статья известного переводчика и пушкиноведа Томаса Шоу²⁷). Шоу указывает, что исследователи этого произведения Пушкина до настоящего времени подчеркивают биографическую сторону стихотворения или концентрируют внимание на одном из его образов («гений чистой красоты») и его происхождении. Только недавно, отмечает ученый, стали рассматриваться другие темы стихотворения, но и они, главным образом, берутся в биографическом плане. Свою мысль Шоу подтверждает ссылками на работы Н. Степанова «Лирика Пушкина», А. Слонимского «Мастерство Пушкина», В. Модзалевского «А. П. Керн». Однако, говорит Шоу, начиная с 1954 года, интерес советских ученых начинает привлекать не столько личность А. П. Керн, сколько то отношение, которое стихотворение и его темы имели к «духовному кризису» Пушкина, переживаемому им в ранние 1820-е годы.

Указав, что нет работ, которые бы детально исследовали поэтику этого стихотворения и, не принимая интерпретацию этого стихотворения, данную советскими учеными и критиками (за исключением, как говорится в сноске, Слонимского и Семенко), Т. Шоу отмечает, что настоящая работа представляет собой попытку заполнить этот пробел.

²⁷) Theme and Imagery in Pushkin's «Ya pomnju cudnoe mgnoven'e» by T. Shaw «The Slavic and East European Journal», Summer, 1970, v. XIV, N 2.

Анализ, предложенный американским ученым, представляет собой один из возможных вариантов интерпретации пушкинского стихотворения и интересен своими частными наблюдениями.

Пристальное внимание американских ученых привлекают к себе работы о Пушкине, выходящие в нашей стране. Об этом свидетельствует оперативное рецензирование, которому они подвергаются в Соединенных Штатах.

Так, вышедший у нас сборник «Поэтическая фразеология Пушкина» был с интересом встречен в Америке. Рецензию на нее поместил журнал «Books Abroad»²⁸). Автор рецензии Томас Икман отмечает ценность исследований, сделанных авторами книги.

Журнал «The Slavic and East European Journal» поместил в 1970 году критический обзор У. Виккери, посвященный советским работам об обстоятельствах дуэли и смерти Пушкина, появившихся в нашей печати в 60-е годы²⁹).

Виккери отмечает, что по сей день предпринимаются попытки найти новые факты или переосмыслить старые, касающиеся событий, связанных с фатальной дуэлью поэта. Указав на большую активность в этой области советских исследователей, он подверг их работы обстоятельному рецензированию, познакомил с полемикой, возникшей вокруг наиболее спорных вопросов, и изложил свои соображения на этот счет.

В поле зрения рецензента попали работы М. Яшина «Хроника преддуэльных дней», «Пушкин и Гончаров: по неизвестным эпистолярным материалам», «Дача на Каменном острове», «К портрету духовного лица», «История гибели Пушкина»; книга Н. Равевского «Если заговорят портреты»; Л. Левкович «Новые материалы для биографии Пушкина, опубликованные в 1963—1966 годах»; И. Андроникова «Я хочу рассказать вам»; Э. Герштейн «Вокруг гибели Пушкина» и др.

Подробно остановившись на этих работах, Виккери в заключение пишет: «Современные ученые открыли до сих пор неизвестные и интересные факты, касающиеся дела Пушкина. Оно успешно исследовано, аргументированно даны новые факты, определена последовательность событий, в частности, точная дата пушкинского ноябрьского вызова на дуэль. Но, тем не менее, эти исследования не дали нового освещения событий, не вызвали необходимости основательно пересмотреть наши оценки событий, приведших к дуэли. Ряд важных вопросов все еще ждет основательного разрешения. Можно надеяться, что будущие разыскания дадут ответ на некоторые или на все вопросы».

²⁸) Poeticeskaja frazeologija Puskina Moskva Nauka 1969. Thomas Eekman «Books Abroad» v. 44, N 3, Summer, 1870.

²⁹) Recent Soviet Research on the Events Leading to Puskin's Death by W. N. Vickery «The Slavic and East European Journal», Winter 1970, XVI № 4.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, т. 483

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

Псков, 1972 г.